

ЗДЕСЬ БЫЛ ЛЁХА

и Егор, Максим, Алиса, Соня

Сергей Диковинный

Сергей Диковинный
Здесь был Лёха

«Автор»

2026

Диковинный С. В.

Здесь был Лёха / С. В. Диковинный — «Автор», 2026

Однажды студент Лёха нашёл в кармане старый будильник. Будильник оказался не простой. А Лёха — не единственный, кто об этом узнал. Когда в музее на скале, которой два миллиона лет, обнаруживается надпись «Здесь был Лёха», никто не смеётся. Потому что почерк — его. Потому что надпись — свежая. И потому что Лёха, краснея, признаётся: он тут уже был. Не раз. Пятеро друзей отправляются в прошлое — туда, где жила первая цивилизация Земли. Где по улицам плывут машины без колёс, в небе ходят дирижабли-автобусы, а мороженое продают шариками. Где профессор с добрыми глазами говорит: «Планетарная катастрофа? Не сейчас. У нас ещё пятьсот миллионов лет. Пусть следующие поколения подумают». Но у профессора есть будильник. Такой же, как у Лёхи. И он знает о ребятах больше, чем говорит. Весёлая, лёгкая и чуть-чуть мудрая история о дружбе, времени и о том, что загадки прошлого иногда нужно решать именно нам — потому что «следующих поколений» может не оказаться.

Содержание

Глава 1. Музей	5
Глава 2. Грот	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Здесь был Лёха

Глава 1. Музей

Экскурсия была обязательной.

Это подчёркивалось трижды: в объявлении на кафедре, в чате группы и лично куратором — женщиной суровой, с указкой вместо души.

— Явка строго обязательна. Отсутствующие пишут реферат. Тема: «Роль музеев в формировании гражданской идентичности». Объём — двадцать страниц. Без интернета.

Лёха сначала хотел заболеть. Потом вспомнил, что куратор проверяет справки. Потом решил, что двадцать страниц — это хуже, чем два часа скуки. И пошёл.

Музей был старый, пыльный и торжественный. Пахло воском, деревом и вечностью. Экскурсовод — женщина в очках и с таким выражением лица, будто все экспонаты — её личные заслуги. Группа шла за ней гуськом, вялая, как в понедельник утром.

Макс слушал. Он всегда слушал. Алиса фотографировала. Соня смотрела в окно. Егор вежливо кивал, но думал о своём. Лёха скучал так, что у него чесались руки — что-нибудь тронуть, что-нибудь сломать, что-нибудь спросить.

Дошли до зала древних наскальных рисунков.

Зал был полупустой. Витрины, подсветка, таблички мелким шрифтом. Экскурсовод что-то рассказывала про палеолит, про охоту на мамонтов, про то, как человек учился думать.

И тут Егор остановился.

Он всегда останавливался там, где другие проходили. Однажды это спасло ему жизнь. В другой раз — лишило покоя на месяц.

За стеклянной витриной лежал большой фрагмент скалы. Метр на полтора. Рыхлый песчаник, выщербленный временем, с бороздами и пятнами.

А на нём — рисунки.

Егор прижался к стеклу.

Окружности. Круги с расходящимися лучами. Какие-то символы, похожие на буквы, но не буквы. И — совершенно отчётливые, ни с чем не спутываемые — **летающие тарелки**. Диски с куполами. Треугольные силуэты, похожие на самолёты. И даже что-то вытянутое, что могло быть дирижаблем, а могло быть чем угодно.

Егор замер.

Он смотрел долго. Так долго, что к нему подошёл Макс.

— Что там?

— Смотри.

Макс посмотрел. Прищурился. Посмотрел ещё раз.

— Это... что?

— Я не знаю, — сказал Егор. — Но это не мамонт.

Подожли остальные. Алиса, Соня, Лёха. Лёха подошёл как-то странно. Не то чтобы неохотно. Скорее — как человек, который уже видел эту витрину.

Но всё решила надпись.

Внизу, под всеми этими кругами и тарелками, косо, грубо, тем же камнем, будто ножом по песку, было нацарапано:

«ЗДЕСЬ БЫЛ ЛЁХА».

Три слова. Русскими буквами. С «ё» и мягким знаком.

Все пятеро молчали.

Потом Соня очень тихо спросила:

— Лёх.

— Что?

— Это твоя фамилия? Или просто так?

— Это... — Лёха сглотнул. — Это сложно.

И в этот момент рядом остановился экскурсовод. Женщина поправила очки и посмотрела на витрину с таким видом, будто это была её любимая мозоль.

— А! Вы нашли наш главный ребус.

— Ребус? — переспросил Егор, не отрываясь от стекла.

— О, это самый загадочный артефакт в нашем музее, — сказала она. — Ему более двух миллионов лет. Рисунки, как видите, стандартные для эпохи — охотничьи сцены, символы племени, предположительно ритуальные. Но вот этот фрагмент... — она постучала пальцем по стеклу, — он не вписывается ни в одну известную традицию. Летательные аппараты. Геометрические фигуры. Это либо позднейшая подделка — что маловероятно, датировка подтверждена тремя независимыми лабораториями, — либо... — она развела руками. — Либо мы чего-то не понимаем.

— А вот эта надпись? — осторожно спросил Макс. — «Здесь был...» — Он запнулся.

— Вот именно, — сказала экскурсовод. — Вот именно! Эксперты не могут с ней разобраться. По идее, конечно, надпись сделана позже. Кто-то вроде... — она хмыкнула, — вроде древнего туриста. Но экспертиза показывает, что **борозды повреждения совпадают по**

времени с самими рисунками. Фон, следы эрозии, всё. Она тоже... — она сделала паузу, — тоже двухмиллионной давности.

— Этого не может быть, — сказал Егор.

— Именно, — согласилась экскурсовод и пошла дальше. — Пойдёмте, следующий зал. Группа отправилась за ней. Все, кроме пятерых. И пятеро остались стоять. Посмотрели на надпись. Потом на Лёху.

— А что я? — сказал Лёха. И зачем-то добавил: — Будильник сам меня к ним закинул. Тишина.

Потом Алиса, очень медленно:

— К кому — «к ним»?

Лёха смешался.

— Ну... Была такая цивилизация «Первых». Ещё до лемурийцев, атлантов и гиперборейцев. Наверное, они вообще были первыми на Земле. Жили-жили... Потом всё.

— Сколько раз ты к ним ходил? — спросил Макс голосом человека, который уже готов считать.

— Да всего-то раза три-четыре...

— **Три-четыре?!**

— Ну, может, пять. Я не считал. Ребята, честное слово, там ничего интересного!

— Ничего интересного, — повторил Егор. — Лёх. Ты ходил к первой цивилизации в истории Земли. На два миллиона лет назад. И не сказал нам.

— Я хотел! Я много раз хотел. Просто... вот как-то не получалось.

— Не получалось, — сказал Макс. — Значит, не получалось.

— Да погоди ты! — Лёха всплеснул руками. — Там всё как у нас! Ну, почти. Дорожки, освещение, мороженое продают. Не верится, что между нами два миллиона лет. Понимаете? Ну вот честно. Никакой разницы. Только тарелки летают.

Все молчали.

Потом Соня сказала:

— Идём.

— Куда? — не понял Лёха.

— К ним. Идём к ним все вместе.

Лёха на секунду даже растерялся.

— Вы серьёзно?

— Серьёзнее не бывает.

— А куратор? — сказал Егор.

— А что куратор? — хмыкнула Алиса. — Мы вернёмся через минуту. На свои места. Может быть, даже в тот же момент. Так ведь работает, Лёх?

— Не всегда, — честно признался Лёха.

— Ну, значит, повезёт, — сказала Соня.

Она вышла из зала первой. Остальные — за ней. Лёха постоял ещё секунду, взглянул на витрину.

На свою надпись.

Потом выдохнул:

— Ну ладно. На этот раз экскурсовод у нас я.

И пошёл за всеми.

Они собрались на улице, возле служебного входа. Лёха потянул из кармана будильник.

Егор впервые посмотрел на него внимательно. Раньше он относился к будильнику как к данности — вещь, которая работает, и хватит. А теперь вдруг понял: в будильнике не было ни завода, ни батарейки. В нём не было ничего, что делало бы его «будильником». Просто круглый металлический корпус, цифры, стрелки, кнопка сверху.

— Лёх, — сказал он. — А кто тебе дал будильник?

— Так он у меня с детства.

— Откуда с детства?

— Не помню.

— Совсем?

— Совсем. Всегда был. Понимаешь? Как будто... как будто его никогда не было и он всегда был.

Егор хотел сказать что-то ещё, но Лёха уже крутил кнопку. Стрелки поплыли. Что-то щёлкнуло внутри — или снаружи, или где-то между временами.

Лёха сказал:

— Держитесь друг за друга. Пожалуйста. В прошлый раз один отстал — и знаете, куда попал?

— Куда?

— В Англию. К Столетней войне. Не поеду больше.

Вокруг всё поплыло.

И — в самой глубине этого поплывшего, в самой последней секунде «до», Егор успел заметить краем глаза: на подоконнике служебного входа сидел кот. Не их кот. Просто кот. Серый, нахальный, обычный.

И он смотрел на них.

И — Его ру не показалось — он поднял лапу. Как будто помахал.

Помахал.

А потом мир исчез.

Глава 2. Грот

Переход был мягким.

Это Егор отметил сразу — в прошлые разы, когда они летали к гусарам, всё было иначе. Тогда их кидало, кувыркало, выворачивало, и первое, что человек делал, очутившись в прошлом, — проверял, на месте ли голова. Сейчас ничего этого не было. Просто в какой-то момент стало темно. Потом — светло. Потом — очень светло. И пахло камнем и мокрой землёй.

Они стояли в гроте.

Первым заговорил Макс:

— Мы на месте.

— Мы на месте! — обрадовался Лёха.

Грот был не грот, а, если честно, какой-то холл. Своды уходили вверх на добрых пять метров, стены были ровные, будто обточенные — но не теми инструментами, которые знал Макс. Пол посыпан гравием. По нему шла дорожка — аккуратная, отсыпанная светлым песком, расчерченная бордюром. Вдоль дорожки — перила из чего-то тёмного, похожего на обточенный камень, но гладкого и чуть тёплого на ощупь.

Освещение было ровным, без теней. Непонятно откуда. Просто светло — и всё.

— Я же говорил, — гордо сказал Лёха. — Обустроенный грот. Всё цивилизно.

— Кто это обустроил? — спросила Алиса.

— Ну, они. «Первые». Кто же ещё.

— А мы? Мы — откуда? — не поняла Соня.

Лёха пожал плечами.

— А я знаю? Я сколько раз ходил, столько раз не понимал. Может, тут всегда так. Может, я просто в нужное место попадаю. А может, это они специально для гостей.

Алиса фыркнула.

— Для гостей. Из двадцать первого века. С будильником.

— А ты не фыркай, — обиделся Лёха. — Ты посмотри на стену.

И все посмотрели.

На стене грота были рисунки.

Точно те же, что в музее. Окружности. Лучи. Символы. Летающие тарелки. Треугольные силуэты, похожие на самолёты. Дирижабль.

Все замерли.

— Егор, — тихо сказала Соня. — Это ведь те самые.

— Те самые, — согласился Егор.

— Но это значит... — Алиса не договорила.

— Это значит, — ровно сказал Макс, — что рисунки в музее — либо отсюда, либо... — он посмотрел на Лёху.

Лёха уже подошёл к стене. Сел на корточки. И уверенно, будто делал это не в первый раз, под рисунками что-то проговорил вслух:

— Ну, где моё место?

И — показал. Внизу, под всеми тарелками, под всеми символами, тем же косым, грубым письмом, было выцарапано:

«ЗДЕСЬ БЫЛ ЛЁХА».

Один в один.

— Так, — сказал Егор. — Лёха.

— Что?

— Ты понимаешь, что мы нашли в музее именно то, что ты здесь написал?

— Ну... понимаю.

— И как это возможно?

Лёха задумался. По-настоящему задумался, на секунду перестав быть Лёхой-раздолбаем и превратившись в человека, у которого в кармане лежит предмет, способный разорвать время пополам.

— Не знаю, — сказал он честно. — Честное слово, не знаю.

— Егор, — сказал Макс, отходя от стены. — Пойдём дальше. Тут ещё есть кое-что.

Дорожка вела к арке. За аркой был свет — не гротовский, а другой. Тёплый. Дневной.

Они пошли.

И вышли в парк.

Парк был настоящий.

Даже Макс, человек, никогда не терявший контроля, остановился и просто смотрел.

Аллея уходила вперёд, усаженная деревьями — незнакомыми, но красивыми: с широкими плоскими кронами, как огромные зонтики, с корой отливающей серебром. Вдоль аллеи стояли фонари, но не такие, как в Питере — изящные, тонкие, будто выточенные из хрусталя, и внутри у них не было лампочки, а будто горел маленький тёплый светлячок.

По парку гуляли люди.

Мамы с колясками. Коляски были без колёс — что-то вроде мягких капсул, которые парили на высоте колена. Ребёнок внутри спал, и над ним чуть покачивался лёгкий куполок.

Кто-то играл в бадминтон. Воланчик летал сам — по кривой дуге, к которой его направляла ракетка, и возвращался обратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.